
Александр МЕНДЫБАЕВ

РАССКАЗЫ

ГРЕЧЕСКИЙ БРИЗ

— Итак, уважаемые родители, что будем делать?

Гурунопуло Эмма Николаевна блеснула стеклами очков.

— Не молчим. Высказываемся.

Я исподлобья посмотрел на своих товарищей по несчастью. Никто не знал, что отвечать. Эмма Николаевна повернулась ко мне. Я не видел ее глаз. Лишь очки, огромные, как авиационные прожекторы.

— Артем Витальевич, повторяю, что нам делать?

В этом пропахшем мелом, мытым полом и партами классе мне снова казалось, что я — тот самый подросток, Тёма-Воробей, которого распекает училка.

— Артем Витальевич. Я жду.

Я не знал, чего от меня хотят. Я выполнил все требования. Приехал, бросив работу. Отменил важную встречу, едва услышав в телефоне прокуренный, не терпящий возражений голос.

— Не-е знаю. Реагировать, что ли?

Эмма Николаевна крикнула, усмехнувшись такому неопределенному ответу.

— Реагировать. Я разговаривала и с милицией, и с районо. Всем безразлично. Частная собственность, клуб работает без нарушений. За детьми должны следить родители.

К счастью, прожекторы отвернулись от меня, упершись в единственную маму среди присутствующих.

— Диана Сергеевна, вы же мать! Это нормально, что ребенок играет в такие игры?

Диана Сергеевна робко улыбнулась.

— Нет, Эмма Николаевна, это очень плохо. И очень страшно.

— Я не хочу, чтобы мои ученики выросли садистами. Вы хоть понимаете, какой ущерб эти забавы наносят детской психике?

Прожекторы нацелились на громоздкого бугая, отца Сережки Шаина.

— Василий Валерьевич, а вы понимаете?

Бугай поморщился. Однажды на новогоднем вечере, когда дети лихо отплясывали в спортзале, а родители усиленно следили за порядком, мы разоткровенничались. Разомлев от коньяка, который я протасил контрабандой в плоской фляжке, Василий Валерьевич, пытавшийся весь вечер «склеить» зеленоглазую и длинноногую Диану Сергеевну, вдруг ляпнул, что в детстве насмерть приросла к нему кличка — Баран. Мы все почему-то очень хорошо это запомнили. И вот теперь Василий Валерьевич, богатый

Александр Олегович Мендыбаев родился в 1982 году в г. Алма-Ате (нынешняя Алматы), Казахская ССР. Выпускник Казахской государственной юридической академии по специальности «Международное право». С 2015 года — слушатель Открытой литературной школы г. Алматы. Публиковался в журналах «Литературная Алма-Ата», «Za-Za», в сборнике прозы «Дорога без конца». Живет в г. Алматы.

человек, владелец автомастерской, отец двух дочерей и сына-спортсмена, снова слышит недоверчивое «а вы понимаете?».

- Это самое. Я понимаю, да.
- Что вы понимаете?
- Игра. Они там бьют кур лопатами.
- Это нормально?

Баран уставился на Эмму Николаевну, не зная, что ответить. Зачем-то посмотрев на меня, сказал:

- Нет. Кур не нормально... Их топором рубят. Голову, конечно. Мы так в дерев...
- Достаточно!

Рядом с Бараном сидел расхристанный папаша, мало чем отличающийся от школьников. Одет он был в заляпанный свитер и непомерной широты джинсы. Очками мог посоперничать с самой Эммой Николаевной. Нам он был известен как Сява. Училка никогда не окликала его по имени-отчеству, что не мешало ей бесконечно припахивать несчастного родителя для нужд компьютерного класса и всей школьной электроники. С отверткой и обжимкой в руках он ползал под партами, проводил кабели, устанавливал софт, подключался к высокоскоростному Интернету. В родительском чате постоянно флудил ссылками на полезные, малополезные и совсем бесполезные приложения, стремительно исчезая, если кто-то задавал вопрос по IT-тематике. Сява уже минуты три пытался что-то сказать. Он даже поднял руку, но на него никто не обращал внимания. Сява имел привычку полулежать, выставив из-под парты хилые ноги. Прोजекторы наконец развернулись в его сторону.

- Вы что-то хотели сказать?

Вращая карандаш через большой палец, Сява заунывным голосом начал вещать:

— Игра называется — СС или Create Chaos, что в вольном переводе означает «творить беспредел». Возрастное ограничение — восемнадцать лет. По сюжету фрик-отморозок устраивает произвол в вымышленном городе. Пинает бабушек, бьет лопатой прохожих, мочится на могилы, поджигает голубятни. Можно крутить однополую, двуполую, многополую любовь, предаваться блуду и всяким извращениям. Можно заниматься бизнесом. Можно стать пастырем, разглашая по радио секреты исповеди и доводя прихожан до самоубийства. Игрушка мегапопулярна, предусмотрен многопользовательский...

Эмма Николаевна в сердцах бросила ручку на стол.

— Хватит! Сядьте по-человечески, когда разговариваете с учителем! Не хочу больше слышать про игру. Мне этой мерзости в интернетах хватило. И откуда вы знаете все подробности? Чего хохочете, Артем Витальевич? Я сказала что-то смешное?

Мне нечего было ответить. Да и что отвечать, если сам играл в эту игру на домашней консоли. Голубей не поджигал, паству не исповедовал. Но стрелял в коров из ружья для пейнтбола, а жена любила забегать в раздевалки, смущая фитоняшек и ловко разбивала клюшкой для гольфа садовых гномов. Мы оба думали, что играем втайне от сына, но, судя по всему, любимое чадо, несмотря на строжайший запрет, не хило куролесило, используя мой профайл. Иначе как объяснить кучу оружия и достижений, о которых мы с женой и помыслить не смели.

Я посмотрел на Диану Сергеевну. Она едва сдерживалась от смеха. Эмма Николаевна бросила на нее грозный взгляд и недовольно буркнула:

- Не мои, а ваши дети вырастут садистами. Нужно срочно принимать меры.

* * *

История вряд ли будет полной, если я не расскажу немного об Эмме Николаевне. Греческие корни делали ее похожей на богов-олимпийцев. Те же кудри и неистребимая

тяга к приключениям. Не хватало лишь лаврового венка. Хотя лавровый венок вроде римляне таскали. Впрочем — неважно. Эмма Николаевна — не просто заслуженный педагог с тридцатилетним стажем, она — автор нашумевшего бестселлера «Стой. Бойся. Иди» для учеников младших и средних классов. Книга состояла из правил дорожного движения, краткой (около десяти страниц) биографии автора и советов. Советы были полезными, философскими и ориентированными на детскую психику. Лично мне запомнился один пример. На картинке — могила с неизменным Р. И. Р. Внизу веселым шрифтом было написано: «Это Вася, он так торопился в магазин, что побежал на красный свет. Теперь лежит на свете том». Весь тираж (пятьсот экземпляров) был немедленно выкуплен фанатами творчества Эммы Николаевны. Ученикам, отказавшимся покупать, запретили переходить дорогу без родителей и тиранили до тех пор, пока брошюры с подписью автора не заняли почетное место на полках юных читателей.

Эмма Николаевна не только писатель, но и филантроп. Организатор акции «Пусть растут вместе». Акция была доброй, интересной и очень гуманной. Ребятишки из детских домов и воспитательных колоний сходили в кино вместе с учениками ее любимой школы. Увы, все закончилось грандиозным побоищем, которое удалось усмирить лишь с помощью заместителя колонии по воспитательной работе и десятка солдат срочной службы.

* * *

Снова крикнув, Эмма Николаевна привлекла к себе внимание, напомнив, что ее «окно» заканчивается. Я не впервые был на встрече. За пресловутое «окно» можно было не переживать. Его размеры и продолжительность, выражаясь языком физики, стремились к бесконечности. Однажды, когда восемь учеников сбежали с уроков, мы разошлись домой к одиннадцати ночи. В другой раз смотрели документальный фильм про педофилов, и я полдня не мог объяснить шефу, чем сейчас занят. Обсуждение государственного устройства, роли человека в обществе, огромного влияния школы на жизненный путь, религии, политики, культуры, науки — Эмма Николаевна была кладезем знаний и оплотом единственно верного, неоспоримого и безапелляционного мнения. Любые споры пресекались в зародыше. Инакомыслие наказывалось. Временами родители сами верили, что их точка зрения лишь вредит детям.

— Стыдно и больно, смотря на вас, уважаемые родители, осознавать...

В класс заглянула рыжая, словно пожар, голова и, пропищав что-то невнятное, медленно скрылась, хлопнув дверью.

— Прошу прощения. Я на две минуты к директору. Никуда не расходитесь.

Когда Эмма Николаевна вышла, мы посмотрели друг на друга, как узники, ожидавшие скорой и неотвратимой казни. Сява, Баран и даже прелестная Диана Сергеевна оставились на меня, молчаливым укором обвиняя во всей случившейся заварухе.

* * *

Неделю назад Эмма Николаевна вызвала меня в школу, чтобы задать ряд неудобных и, я бы даже сказал, нескромных вопросов о судьбе чучел крапчатого голубя и черношапочного сурка, таинственное исчезновение которых чудесным образом связывали с моим сыном. После получасового допроса, когда отпираться было бессмысленно, юный террорист признался, что крапчатого голубя забросили в окно, надеясь испугать впечатлительную географичку. Географичка не испугалась, вышвырнув голубя обратно. Черношапочным же сурком немного поиграли в футбол. Слегка потрепанные чучела были обнаружены в школьной столовой, в шкафчике с пометкой «Крупы».

Эмму Николаевну удалось успокоить, лишь когда сумерки опустились на остывающий от полуденной жары город. Она говорила о какой-то игре, сповадившей юных злодеев на такие нестандартные развлечения. В воспитательных целях Эмма Николаевна даже заставила меня прогуляться до ближайшего компьютерного клуба. Я наслаждался свежим, вечерним запахом сирени, надеясь, что Эмма Николаевна отпустит нас, немного пожуриив. Но, увы, чудес не бывает. Проходя мимо клуба, мы посмотрели на курящего хозяина. Тот, обнажив бесподобные чистого золота протезы, вежливо поздоровался и даже кивнул головой. На порог вальяжно вышел Сережка Шаин. Увидев училку, Сережка смущенно скрылся в недрах клуба. Эмма Николаевна тяжелой поступью пошла за ним. Я, крепко взяв сына за куртку, двинулся следом.

За компьютерами сидела парочка сутулых совершеннолетних длиннот, остальные места были пустыми. В пепельнице курилась сигарета, стояли жестянки с пивом, прямо на клавиатуре валялся недоеденный бутерброд, а на полу — пустые бутылки с энергетиком. Длинноты давно окончили школу. Они учились на третьем курсе местного Политеха и подрабатывали в клубе сисадминами. Чары Эммы Николаевны на них не распространялись. Не отрывая взгляда от монитора, длинноты продолжали играть. Я заворуженно смотрел на монитор, где мужик в «алкоголичке» носился по вагонам метро, раздавая тумачи пассажирам. Мужик выскочил на полпути и, подбежав к будке с контролершей, повалил будку на бок. Несчастная контролерша пыталась выбраться, но мужик, подпалив будку, стремительно умчался вверх по эскалатору, расталкивая попутчиков. Попутчики летели кубарем по ступеням, а на экране мелькали зеленые, желтые, голубые цифры и золотое слово «Bonus». Лошары, желторотики. Когда я проходил эту миссию, то спихнул будку на рельсы, заработав кучу очков за каждую станцию, через которую подземка ее протащила.

Хрустальную тишину клуба разорвало пошное клокотание воды, сброшенной сливным бачком в унитаз. В дальнем углу открылась дверь, и нашему взору предстал еще один школьник, смотревший на учителя взглядом лисицы, по ошибке выскочившей на охотника с ружьем. Раздался дребезг разбившейся посуды, и Эмма Николаевна бросилась на шум. На кухне, столпившись, словно ээки в карцере, стояли ее ученики, а с ними незнакомые, малознакомые и полужнакомые школьники из соседних домов и окрестностей.

— Дивюшка. Извинти, сида низя.

Хозяин клуба вежливо, но настоятельно пытался защитить свою клиентуру. Клиентура, пережив первый шок, вернулась на свои места. Банки с пивом полетели в мусорное ведро. Сигарета осталась нетронутой, школяр сделал вид, что к куреву не имеет никакого отношения. Ученики косились на Эмму Николаевну исподлобья. Оплаченное время утекало в трубу, и жадность взяла верх. Сначала один, потом другой, а за ним и все остальные робко вернулись к игровому процессу. При училке стремились не беспределить, ограничивались избиениями прохожих и грабежом автомобилей. Кто-то аккуратно разгромил цветочный ларек.

В воздухе явно ощущался греческий бриз. Безмятежное спокойствие, последнее предупреждение, грозное дыхание палача, закрывшего лицо лиловым колпаком. Эмма Николаевна повернулась к Сережке.

— Шаин, быстро встал из-за компьютера!

— Ну, Эмма Николаевна, ну пожа-а-алуйста. Я же не в школьное время...

Сережка оправдывался, не отрываясь от монитора, где творилось то, за что Господь спалил Содом и Гоморру. Эмма Николаевна сгребла Сережку в охапку, пытаясь стащить со стула. Тот, цепляясь ботинками за ножки стола, повалил на пол клавиатуру. Его куртка задралась, оголив тощий подростковый живот. Шаин бился, как лев. Вырвавшись, красный и растрепанный, поднял клавиатуру и поправил куртку. В глазах, упершихся в экран, застыли дикая ярость и вселенская обида. Эмма Николаевна ткнула

кнопку, выключив компьютер. Сережка включил. Эмма Николаевна, оторопев от такой наглости, снова щелкнула блестящей кнопкой. Сережка не хотел сдаваться. Зеленая лампочка опять замерцала. Тогда Эмма Николаевна выдернула кабель из розетки, отключив компьютер слева. Раздался раздраженный вопль. Неловко повернувшись, малолетний игрок смахнул на стол бутылку с энергетиком. Бутылка, булькая, катилась по столу, заливая пол пахучей пенной жидкостью. Когда струя прошла по лаковым штиблетам Эммы Николаевны, началась гроза. Училка неистово металась по клубу, нажимая резеты¹, отключая системники, вырывая штекеры и кабели. Хозяин бегал за ней в попытке урезонить. Ученики стали качать права, напирая на «внеурочное время». Прибывший наряд милиции выставил всех на мороз. Через десять минут, разобравшись, учеников запустили обратно. Меня с сыном и Эмму Николаевну, на свою погибель, увезли в участок. Не прошло и часа, как возле РОВД собралось около тридцати человек во главе с председателем греческой диаспоры и руководителем администрации района. Приехала пресса. Начальник РОВД, сожрав полпачки валидола, уверял, что разберется в случившемся, но Эмму Николаевну было не остановить. Она писала заявления, давала показания, заставляла меня подписывать какие-то бумажки и жутко злилась, если я отказывался. Лишь глубокой ночью, озаряя сонные улицы красно-синими всполохами патрульной машины, нас развезли по домам.

На следующий день Эмма Николаевна подняла на уши знакомых, друзей, встречаемых и даже поперечных. Меня, ставшего невольным свидетелем вчерашнего конфликта, Эмма Николаевна почти насильно вовлекла в водоворот последующих событий. Мобильный дребезжал весь день. Училка сообщала мне о каждом шаге. Удалось выяснить, что владельца клуба зовут Хафизулла. Имеется несколько братьев, торгующих овощами и коврами на местном рынке. У Хафизуллы все схвачено-заплачено, законов не нарушает. Эмма Николаевна ринулась по инстанциям, никто не отказал в помощи, но многие вежливо намекнули, что в правовом поле сделать ничего нельзя. Мне же было приказано раздобыть первоклассного юриста. Я разыскал телефон бывшего одноклассника, а ныне крупного юриста, с которым имел неосторожность поссориться много лет назад. Забыв старые обиды, попросил его позвонить Эмме Николаевне. Приятель перезвонил мне не раньше чем через три часа. Эмма Николаевна выпотрошила из него все подробности, но в суть так и не вникла. А суть сводилась к следующему: Хафизулле по закону сделать ничего нельзя, ибо школота играет в свободное время, а значит, запретить Хафизулле собирать гешефт могут лишь родители или Аллах. Вот если бы нам удалось раздобыть доказательства, что клуб оказывает негативное влияние на неокрепшие умы, тогда юрист сам бы взялся за скромный шестизначный гонорар. Весьма полезными для суда были бы факты, что в клубе покуривают травку, бухают или хотя бы смотрят порно. Обязательно нужно проверить — законно ли установлены игры и имеются ли возрастные ограничения. Эмме Николаевне такую информацию никто не даст, но родители — другое дело. А лезть на рожон — бесполезно, ибо благородные интересы Хафизуллы защищены Конституцией и законом о частном предпринимательстве.

Шумиха с клубом начинала изрядно надоедать, но выбора не было — моему оболтусу надо было как-то заканчивать последний класс. К счастью, Эмма Николаевна отстала от меня с хитросплетениями законодательства. Время от времени она звонила разузнать, что такое «шутер от первого лица», «донат» или «фраг». А потом и эти звонки прекратились. Наступил греческий бриз.

И вот теперь я и мои товарищи по несчастью сидим тут и ожидаем Эмму Николаевну, которая обязательно вовлечет нас в какую-нибудь заваруху. Да что же они на меня так смотрят?

¹ Reset — кнопка перезагрузки компьютера.

— Чего уставились?! Я виноват, что Эмма Николаевна поперлась в клуб? Между прочим, это ваши дети играли, не стесняясь классухи.

— Но ведь она же не просто так туда поперлась...

Нашу словесную перепалку прервала распахнувшаяся дверь. Эмма Николаевна прошла на свое место, нещадно отравляя воздух тяжелым ароматом популярных некогда духов.

— Подвожу итог. Я проконсультировалась с компетентными людьми. Нужно идти в клуб и требовать документы. Мне могут отказать. Вам как родителям отказать не имеют права. Так вот поэтому завтра мы с вами...

Эмма Николаевна долго перечисляла, что следовало затребовать от несчастного Хафизуллы. Она поминутно сверялась с каким-то списком. Список был обширен, пространен и нелеп до невозможности. Я бы нисколько не удивился встретить там свидетельство о смерти бабушки Хафизуллы.

— Встречаемся в девять тридцать утра. У клуба.

— А как же работа?

Эмма Николаевна свирепо блеснула своими прожекторами.

— На карту поставлена психика ваших детей. Любая работа может и подождать.

Когда мы вышли за ворота, Дианка попросила подбросить ее до метро. В машине она закурила.

— Старуха совсем с катушек съехала?

— Надеюсь. Жду не дожусь, когда закончится эта треклятая школа. Ты не пове-ришь. Она учила еще моего младшего брата.

— Если судить по бесконечным рассказам, она учила самого Калинина.

— Разве она такое говорила?

— Не помню. Но совсем не удивлюсь.

Я горько ухмыльнулся.

— Не смейся, что будем делать?

— Что-что. Штурмовать ибитель Хафизуллы. Последний класс. Иначе мадам Гуру-нопуло не даст жизни детям.

* * *

На следующее утро все было готово к решающему сражению. Эмма Николаевна с распечатками законов в руках проводила инструктаж, скрупулезно повторяя наши права. Мы обсудили все варианты событий, в случае сопротивления ожидалась тяжелая артиллерия в виде начальника ГУВД, ставшего лучшим другом Эммы Николаевны, и председателя греческой диаспоры, который не успел улететь в отпуск. Я наслаждался последними секундами греческого бриза.

— Друзья. Родители. Хочу еще раз напомнить о важности мероприятия. Дети — наше будущее. Мы обязаны оградить их от насилия и беззакония. Самое главное — это права детей. Слово «учитель» звучит гордо. А слово «родитель»...

Диана, коснувшись губами моего уха, осторожно шепнула:

— Чувствую себя гвардейцем-панфиловцем перед решающим боем.

— Не нахожу большого сходства Эммы Николаевны с генералом Панфиловым. Разве что усы?..

— Тихо! Артем Витальевич, идите первым. У вас лицо интеллигентное.

* * *

Дверь долго не открывали, но когда открыли, поняли, что Хафизулла вряд ли умрет в одиночестве. Плечом к плечу, словно крепкие тополя над могилой солдата, стояли его братья. Эмма Николаевна, заглянув в свой бессмертный блокнот, назвала каждого по имени. Зихрулла, Ахмедулла, Пархат и внезапно Абдулло. Все в коричневых кожаных куртках. В утреннем солнце угрожающе заблестело червонное золото: перстни, цепочки, зубы. Мы так и не узнали, откуда им стало известно про рейд.

— Че надо?!

От такой бесцеремонной наглости на секунду опешила даже бесстрашная Эмма Николаевна.

— Что значит надо? Вы с кем разговариваете? Вы с заслуженным учителем разговариваете!

Эмма Николаевна пыталась проникнуть в клуб, но Зихрулла толкнул ее с крыльца, за что получил мощнейший удар от Барана в челюсть. Ахмедулла, выскочив на улицу, пнул Сяву. Тот, потеряв очки, сразу же вышел из строя. Что-то кричала Дианка. Эмма Николаевна таскала за волосы Абдулло, хотя, может быть, это был и Пархат. Били мы, но больше били нас. Сбежались соседи, а вскоре примчались и ученики во главе с трудовиком, вооруженным металлической скобой. При детях драка прекратилась. Я отделался парой ссадин и оторванным рукавом. Эмма Николаевна растерянно смотрела на туфлю-лодочку, которой минуту назад молотила Абдулло. Шпилька была на месте, но шаталась, словно молочный зуб. На полу валялись разноцветные черепки от разбитых пиал. Серебристый чайник сиротливо закатился под стол. Пол был усыпан конфетами, изделиями из жареного теста, козинаками. Плевать. Вряд ли Хафизулла припас эти лакомства для нашей компании. Я посмотрел на Барана. Ему досталось больше всех. Зихрулла, Ахметулла и Пархат суетились возле него, вытирая кровь, прикладывая невесть откуда взявшийся лед. Когда приехала «скорая», они почетным молчаливым караулом подняли несчастного и погрузили на носилки. Эмма Николаевна сидела в патрульной машине. Хочу верить, что она флиртвала с начальником РОВД, но скорее всего, это не так. Сережка Шаин, прибежавший сюда вместе с моим сыном, просился ехать в больницу с папой, но я предложил Барану забрать мальчишку к себе. Дианке пришлось сесть за руль Сявиной машины, поскольку тот теперь мало чем отличался от слепого крота. Его очки, безжалостно раздавленные в пылу битвы, превратились в блестящую кучку стеклянной крошки.

Вернувшись домой, я первым делом накормил пацанов. Затирликал мобильник. Выслушав лекцию от жены, которой кто-то успел все рассказать, я набрал Барана. После разговора подошел к Сережке и потрепал его за щеку, как маленького.

— Серый. С папой все нормально. Через пару часов приедет сюда.

— Спасибо, дядя Артем. Просто папа...

Шаин-младший почти расплакался, но мой оболтус потащил его в комнату.

— Па, мы играть. К нам не заходи.

— Нужны вы мне больно.

Когда мальчишки заперлись, я включил консоль и безвозвратно удалил Create Chaos. Чертова игра. Без нее мир несомненно станет лучше.

ЧИНОВНИЧЬИ ЗАБАВЫ

Акакий Акакиевич домой возвращался в веселом расположении духа. Шампанское так на него действовало либо шедшая впереди девица — знать нам об этом совсем не обязательно. Об оставленной на квартире пестрой чиновничьей компании наш герой нисколько не сожалел, а даже весьма был благодарен тому, что отпустили его без излишней суеты. Снег уже перестал, но морозец, однако, начинал прихватывать. В шинели было тепло и вполне уютно, но вот обувь, давно забывшая вкус дратвы и стук сапожного молотка, казалось, и не думала удерживать тепло истомленных дорогой чиновничьих ног. Из носу потекло немилосердно, и Акакий Акакиевич, оглядевшись по сторонам, полез в карман за платком, не бывавшим у прачки еще с Покрова. Едва не угодив в канаву, на выпорошенную мокрым петербургским снегом мостовую, с лязгом повалился кремневый пистолет с куцым дулом. Уж одному Богу известно, как он не выстрелил при падении. На Акакия Акакиевича, в жизни не державшего никакой оружия, страху наделал такого, что бежал он во всю силу своих худосочных ног почти до самого околотка.

— Эка, право же, откуда ему взяться? Совершенно того... — несчастный Акакий Акакиевич, никогда не отличавшийся красотой и изяществом мысли, смутился вконец. Он, что называется, был в полном недоумении. Шутники ли, чиновники подбросили ему оружие в просторный карман или захмелевший гость после пары фужеров перепутал свой вицмундир с его шинелью — нашему герою это было неизвестно.

— Стало быть, оно денег стоит. Да и виду сурового. Чего доброго, которые это... — Акакия Акакиевича пронзила жуткая мысль, что оружие всенепременно начнут искать. Проспится ли невнимательный чиновник, или спохватятся шутники — конец один. Пальцем вмиг укажут на Акакия Акакиевича, и тут уж не отвертеться.

— Надо бы, конечно, подобрать. Сторожу в присутствии сдать с оказией... — Акакий Акакиевич с робостью вернулся к канаве. Пистолет тускло чернел на залитой лунным светом мостовой. С третьего разу только и удалось заставить себя завернуть стального злодея в платок. Не без боязни Акакий Акакиевич сунул опасный сверток в карман. Понимая, что уже далеко за полночь, наш бедный титулярный советник заторопился домой.

Скоро потянулись перед ним те тоскливые улицы, которые и днем унылы до отвращения. Зажмурившись, он ступил в темноту, решительно отказываясь глядеть вперед. Споткнувшись о выпирающую брусчатку, Акакий Акакиевич чуть не полетел наземь и, распахнув глаза, вдруг увидел две безобразные, глумящиеся рожи. От страха живот у него скрутило так, словно кто-то нарочно запустил в кишки загребушую пятерню.

— А ну сымай шинельку, живо! — прорычал громовым голосом один из незнакомцев.

Акакий Акакиевич завизжал со страху, но зловонная, насквозь протухшая луком рука намертво затворила его уста. Второй разбойник, схватив Акакия Акакиевича тонкими, до жути цепкими пальцами за воротник, оттянул его назад, а затем швырнул, словно кошку, своему приятелю. Уткнувшись самым носом в густую, совершенно неприбранную бороду, Акакий Акакиевич уловил тяжелый дух гнилой рыбы вперемешку с запахом дешевой водки, ароматами, вполне знакомыми и изрядно нашему герою поднадоевшими, поскольку такими же, что ни утро, потчевал его сторож в департаменте, принимая одежду. Чернобородый в долгу не остался и отправил Акакия Акакиевича обратно. Тот непременно бы убится о каменную мостовую, ибо после такого толчка стоять не было никакой возможности, но цепкие пальцы, крепко ухватив чиновника за воротник, удержали его у самой мостовой. Так бы и летал наш титулярный советник про-

меж двух образин до второго пришествия, если бы длинный, как жердь, ловкопалый злодей, которого сотоварищ кликал Мыкытой, схватив Акакия Акакиевича за рукав, не полез к нему в карман. Чернобородый, изо всех сил плясая маленькими свинными глазками, глядел, да никак не мог высмотреть, чем же там занят его знакомец.

— Ну чего канителишься, ворона? Сымай одежду и деру. Не ровен час, будочник зачуеть...

— Погоди, Фрол. Дай допреж в карманах погляжу...

Приятели, видать, большой дружбы меж собой не водили, ибо сговориться им в ту студеную ночь так и не пришлось. Фрол набросился на полумертвого от страха Акакия Акакиевича, пытаясь стащить шинель, в то время как Мыкыта своею длинною и тонкою, похожей на сухую ветку, рукою шарил у чиновника в кармане.

— Гляди, Фрол, а у судыря-то пиштолет имеется, — Мыкыта размахивал мерцающим в лунном свете коротким, словно рубленый песий хвост, стволлом перед чернобородым дружкой, который уже стянул с несчастного титулярного советника шинель и примерялся нацепить ее на свои геркулесовы плечи.

— Эй, эй! Шельма пучеглазья! Себе в рыло тычь этой дурой. Чего доброго, пальнет ненароком.

Акакий Акакиевич, натерпевшийся такого страха, больше которого и мочи не было терпеть, соображал теперь быстро и складно. Он бы и сам подивился невесть откуда взявшейся мысленной прыти, да только времени на думы отпущено было столь мало, что рассусоливать долго не приходилось. Шинель, добытая с таким трудом, навсегда уходила от него, покрывая исполинское тело нового хозяина. Пистолет, спрятавшись за пазуху длинного, похожего на высушенного паука Мыкыту, возвращаться назад тоже не собирался. Какой позор! Бесчестие. Завтра же чиновники покажут на Акакия Акакиевича. Пошутили-де, пора и честь знать. Извольте, сударь, пистолет вернуть. Акакий Акакиевич понимал, что ни в жизнь не расплатится за этот лешерез².

«Стало быть, эти лиходеи снесут его на рынок и сдадут за бесценок какому-нибудь Гавриле Пантелеймонычу или Сысою Капитонычу, у которых совести ни на грош. Вырученные же деньги пропьют там же, неподалеку, в шинке», — Акакий Акакиевич выпучил глаза, подивившись содержанием и глубиной своих суждений. Засим жуткая мысль, шмыгнув, словно прусак за воротник, вызвала в нем брезгливую дрожь. Не сдадут. Не сдадут эти душегубы пистолета ни Пантелеймонычу, ни Капитонычу, ни даже Мартемьяну-перекупщику, предлагавшему по дешевке краденых куниц на воротник. Будут грабить и дальше, тыча пистолетом в лицо, в лоб и во все что ни на есть места порядочного дворянства. Тем же, кто посмеет сопротивляться, чего доброго, выпалят промеж глаз или в самый живот забавы ради. Прибегут жандармы, будочник засвистит в свой вечный свисток. Скрутят антихристово племя и бросят в острог. А там уже под плетями или еще чем-то похлеще эти кречеты быстро запоют, где добыли пистолет. И не миновать тогда Акакию Акакиевичу своей ужасной участи. Жандарм, бряцая саблей, возьмет его под стражу на глазах всего департамента. Будет попрано честное имя, ошельмуют перед народом православным, побреют половину головы, вторая сама поседеет от невзгод и позору. Погонят, аки скота, в зной и стужу за Уральский камень, на самую что ни на есть лютую каторгу...

Несчастный Акакий Акакиевич закрыл лицо руками и начал рыдать вначале тихо, потом с прикашливаниями, а в конце разразился натуральным волчьим завыванием. Невесть почему во рту запахло тухлым яйцом, в глазах пошла такая рябь, что и стоять не было никаких сил. Акакий Акакиевич рухнул лицом в снег. Пропали все звуки мира. Лишь колючий, холодный сугроб таял под его губами. Вскочив на ноги, он

² Lechère chose (фран.) — дорогая вещь.

трусцой помчался вослед за своими обидчиками. Наш титулярный советник и сам не знал, откуда взялась прыть в ногах. Фрол и Мыкыта плутали по подворотням, озирались по сторонам, быстро минуя освещенные места, бежали вдоль заборов. Акакий Акакиевич был совсем рядом, когда они его наконец заметили.

— Эй, да ты никак за своим добром пришел? Видать, мало мы тебя, убогого, у площади проучили. Не кручинься. Сейчас добавим. У нас этого добра еще...

Рябь, почти уже прошедшая, снова застала титулярному советнику глаза. Запах яйца стал совсем невыносимым. Акакий Акакиевич сдерживал рот рукой, чтобы не вышло какого конфузу. В голове пискнула такая высокая нота, что казалось, лопнет череп и глаза улетят в Неву. Зажмурившись, не понимая, что делает, он бросился на Мыкыту и крепко вцепился в зипун, за которым прятался покраденный пистолет. Мыкыта, никак не ожидавший беды с этой стороны, повалился на мостовую. Акакий Акакиевич хрипел, кусал Мыкыту за лицо, царапал шею и визжал по-бабьи.

— Ах ты, стерва... Да я же тебя... Фрол, ну чего зеньки выпялил? Подсоби малеха.

Растерявшийся могучий Фрол двинулся было, дабы унять дерущихся, но то ли Акакий Акакиевич ненароком задел курок, то ли пистолет сам по себе думал-думал, да и выпалил, только Фрол уж как остановился, так и рухнул на землю, словно подточенный вешними водами гнилой столб, не выдержавший вконец тяжести висевших на нем двухсотпудовых ворот. Мыкыта, выбравшись из-под рябого чиновника, ринулся к товарищу. Причитая, он умолял Фрола подняться. Акакий Акакиевич неслышно подошел к своему супротивнику. Щека чернобородого была изорвана свинцом нещадно, и правый глаз словно провалился куда-то внутрь головы. Левый же, напротив, вылез и таранился, как у испуганной лошади. Фрол раскрывал рот, глотая зимний воздух. С каждым выдохом изо рта выплескивалась кровь, заливавшая черную бороду, снег и грязную мостовую.

— Ты это чего натворил?! Говори, злодей!

Мыкыта грозно двинулся на Акакия Акакиевича, которому почему-то было совсем не страшно. Тихим голосом он промолвил:

— Отдай шинель, голубчик. Будь человеком. И пистолет верни. Ни к чему он теперь...

Мыкыта, достав из-под зипуна нечто длинное и острое, похожее на штык, яростно дышал, приближаясь к отступающему чиновнику. Раздался пронзительный свист. К ним со всех ног, трясая колотушкой, бежал будочник.

— А ну стой, сволочь мухоблудная! Я вам покажу — беспорядки учинять!..

Акакий Акакиевич что есть мочи завопил:

— Грабют! Гра-а-аб-юют!

Мыкыта в недоумении обернулся на него, не понимая, кто кого грабит. Будочник налетел на разбойника и, одолев его в свирепой драке, скрутил Мыкыте руки сорванным второпях поясом. Посмотрев на Акакия Акакиевича, будочник, тяжело дыша, скороговоркой промолвил:

— Бегите, барин, до городского. Тут неподалеку околоток. Я покараулю покамест. Да долго не протяну, шельмец своей пикой поддел...

Только теперь Акакий Акакиевич заметил темное, все больше растекающееся пятно на шее так вовремя подвернувшегося будочника. Тот, сев в сугроб, пытался перетянуть рану шарфом. Акакий Акакиевич неспешно, как во сне, стащил шинель с безжизненного, словно чурбан, Фрола, прикрыл ею будочника, засим подошел к Мыкыте, вытащил из-за пазухи пистолет, сложил его себе в карман.

— Торопитесь, барин, кровью же истеку, Христа ради умоляю...

Будочник не успел договорить. Он завалился на землю рядом со своим супротивником. Мыкыта, изгибаясь, словно червяк, пытался освободиться от пут, да только ничего у него не ладилось.

— Эй, барин! Барин. Поможи. Сыми путы. Детки у меня в деревне, шешнаццаць штук. Ведь на каторгу пойду — все с голоду сгинут. Поможи. У тебя небось тоже детки есть... Деньги у меня немалые припасены. Тебе все отдам. У Фрола, царствие ему небесное, тоже имелась... ты в карманах пошарь, обыщи. Только допреж освободи, не бери грех...

Акакий Акакиевич подошел к Мыкыте. Оттащив его подальше от будочника, приказал:

— Ляг на живот, руки выше подыми. Сейчас распутаю, — Мыкыта быстро перекатился на брюхо, изогнув что было мочи связанные со спины руки. Во рту у титулярного советника снова запахло яйцом, а в глазах пошла плясать знакомая рябь. Акакий Акакиевич, подобрав Мыкытину пику, неумело, но сильно ткнул Мыкыту промеж лопаток, потом еще раз и еще. Очнулся он в сугробе неподалеку от трех тел. Светало. Редкие прохожие двигались вдаль, у набережной Невы. Акакий Акакиевич поднялся, прикопал снегом пику, всю в крови и ошметках, похожих на те, что покрывают колоды для разделки туш на рынках. Затем подошел к Фролу, обшарив его карманы, раздобыл несколько мятых рублей да кисет табаку. Мыкыте, из которого натекла целая лужа крови, засунул руку за пазуху, где наткнулся на гаманок, доверху набитый медью. «За хлопоты и пережитый срам», — подумал Акакий Акакиевич и забрал гаманок себе. Будочника обыскивать постеснялся, лишь прикрыл ему замерзшие очи и, прихватив свою шинель, отправился восвояси.

Весь следующий день Акакий Акакиевич провалялся в постели. К ночи во рту снова появился запах тухлых яиц, а когда зарябило в глазах, Акакий Акакиевич вошел без стука в почивальню к спящей хозяйке. Когда дело было сделано и дрожь немного унялась, Акакий Акакиевич обшарил каждый уголок ее убогой комнатухи, разжившись двадцатью рублями. Он поглядел на кровать. Старуха не дышала, но глаза ее были открыты. Видать, распахнулись, пока прижимал подушку. Хорошая она была, безобидная. Пожелав ей царствия небесного, Акакий Акакиевич собрал свой нехитрый скарб, не забыв прихватить и то, что старухе никогда уж не понадобится. Завтра он съедет с квартиры и больше не вернется в департамент. Тускло там, нет сердцу радости. Он насобирает денег, разживется бричкой и отправится по городам и весям необъятной отчизны. Есть, есть теперь в его жизни великая услада, дюже прикипевшая к сердцу. Чистописание, каллиграфия, бумагомарательство — сущий вздор. Не тем он занимался все эти годы. Эх, обучиться бы заряжать пистолет. Ну, ничего. Наверстает, не упустит.

Прихватив до остроты отточенный топор, Акакий Акакиевич накиннул шинель. Бойко спустившись по лестнице, распахнул дверь парадной и с неистовой дрожью помчался по уснувшим петербургским улицам.